

РЕГИОНАЛИЗМ: истоки и уроки для России

К числу противоречий нашего времени относятся глобализм и регионализм. Второе есть порождение и антипод первого. В научной и политической литературе существует немало определений регионализма. С нашей точки зрения, это есть политико-экономическое движение за самостоятельность территориальных сообществ в области социально-экономических и этнокультурных прав.

В русской истории можно выделить четыре этапа его проявления. Первый, как это ни странно звучит, имел место в период феодальной раздробленности и выражался в удельной системе, которая едва не погубила отечество во время татаро-монгольского нашествия. 2-й этап обнимает эпоху абсолютизма, когда русское централизованное государство вместило в свое геополитическое пространство огромное количество земель и народов, сумев обеспечить их гармоничное единство без особых проявлений регионализма. 3-й этап относится к советскому периоду и делится на две части. Первая характеризуется резким обострением региональных проблем в годы революции и гражданской войны, вторая – господством тоталитарного режима, державшего регионализм под спудом. Наконец, 4-й этап охватывает период перестройки и либеральных реформ, приведших к крайнему обострению региональных проблем и гибели СССР. Кратко остановимся на втором и третьем этапах, сосредоточив главное внимание на четвертом.

Генетически Россия на протяжении веков формировалась из многочисленных земель и народов, занимая пространство Северной Евразии. Одни входили добровольно, другие завоевывались, но в конечном счете, они переплавились в монолитное государство, которое имело естественные границы: на севере и востоке морские, на юге – с исламскими и буддийскими странами, на западе – с государствами европейской цивилизации, что обеспечивало цельность и стабильность великой империи.

Ее наибольшее расширение произошло во время великих географических открытий но, в отличие от западных государств, завоевавших колонии, Россия могла обеспечивать свою модернизацию только за счет богатых внутренних ресурсов своей собственной территории (пушнина, а затем черные, цветные, в том числе благородные металлы азиатской России, продовольствие и людской потенциал европейской части), которую постоянно приходилось оберегать от раскола и тем самым удерживаться на уровне великих держав. Это тормозило развитие центростремительных тенденций и наложило неизгладимый отпечаток на всю ее историю.

Несмотря на унитарный характер государства, высокий уровень его централизации, имелись отличительные черты управления на окраинах, учитывающие национальную специфику. Это относилось к Финляндии, Царству Польскому, Кавказу, Уралу, Сибири и др. регионам. Невмешательство властей во внутреннюю жизнь

Доклад на конференции «Политика силы и эволюция систем международной безопасности» (Екатеринбург, Уральский гос. университет, октябрь 2003 г.).

аборигенного населения помогло многим народам сохранить свой самобытный образ существования, местные экосистемы и виды промысловой деятельности, оригинальную культуру. Русский этнос не имел каких-то особых привилегий, а другие народы не подвергались геноциду, как это было в колониях европейских держав.

В таком относительно стабильном состоянии, за исключением волнений в Польше и на Северном Кавказе (Чечня), Сибирского областничества, Россия находилась до начала XX в., то есть на протяжении всего второго (отмеченного выше) периода своего регионального развития. Даже оппозиционно настроенные силы не поднимали региональных проблем. Более того, один из радикальных противников самодержавия декабрист Павел Пестель, характеризуя будущее политическое устройство государства в своем программном документе «Русская Правда» писал: «Области его не только различными учреждениями управляются, не только различными гражданскими законами судятся, но совсем различными языками говорят, совсем различные веры исповедуют; жители оных совсем различного происхождения имеют, к различным державам некогда принадлежали; и потому ежесию разнородность еще более усилить через федеративное образование государства, то легко предвидеть можно, что сии разнородные области скоро от коренной России тогда отложатся, и она скоро потеряет тогда не только свое могущество, величие и силу, но даже может быть и бытие свое между большими и главными государствами». Вместе с тем, по его проекту административное устройство России должно было включать развитое местное самоуправление. При этом он отстаивал принцип деления страны на областной, а не национальной основе.

Кардинальные изменения в решении региональных проблем внес XX век, что было обусловлено как общемировыми цивилизационными сдвигами, так и глубокой социально-экономической трансформацией внутри страны, положившей начало третьему этапу российского регионализма. Первая мировая война, пролетарская революция и гражданская война взорвали региональную стабильность России. В 1917 – 1922 гг., наряду с политическими, встала масса региональных проблем. Политико-экономические движения за самостоятельность территориальных сообществ развернулись по всей стране. В результате от нее откололись Польша, Финляндия, Прибалтика. Возникли самостоятельные режимы на Украине, Северном Кавказе, даже в Центральной России были провозглашены Уральское областное правительство, Сибирская областная дума, Хакасская степная дума, Бурнардума, Каракарум-Алтайская окружная управа, Алаш-Орда (казахско-киргизское образование с центром в Семипалатинске) и др.

Этот процесс имел объективные и субъективные основания. К первым относятся крайне разнородные природно-климатические, социально – экономические, национальные и конфессиональные условия существования народов бывшей империи в период распада центральной власти и революционного хаоса. Вторые порождены честолюбием и субъективизмом недалёковидных политиков. Сепаратизм местных лидеров вскоре был преодолен, управляемость страной восстановлена. А вот ленинский лозунг самоопределения наций вплоть до отделения, сыграв временную политическую роль при образовании СССР, заложил под него мину замедленного действия, которая взорвалась через три четверти века и уничтожила его, как предвидел за полтора столетия до этого П.И. Пестель.

По мере укрепления Советской власти набиравший силу тоталитаризм загнал регионализм вглубь – вплоть до запрещения краеведения как средства формирования регионального самосознания. Начиная с плана ГОЭЛРО (1920), предпринимались попытки реорганизации административно-территориального устройства страны на основе создания крупных хозяйственно самостоятельных единиц: Уральская область, Сибирский, Дальневосточный края и др. Нам представляется, что это был перспективный путь, учитывающий исторически сложившиеся хозяйственно-культурные комплексы, которые могли обеспечить экономический прогресс и политическую стабильность. Однако ускоренная модернизация страны и связанная с ней острейшая политическая борьба в верхних эшелонах власти, втянувшая в свою орбиту региональных лидеров, деформировали прогрессивную тенденцию. С 1930 г. началось разукрупнение созданных в 1920-е гг. областных и краевых объединений, которое достигло апогея в 1934 – 1938 гг. Уральская область, сначала была разделена на Свердловскую, Челябинскую, Обь-Иртышскую и Пермскую, а позднее добавились Курганская и Тюменская. Азовско-Черноморский край разделили на Краснодарский край и Ростовскую область. В 1939 г. областное деление сформировалось в Киргизии, Таджикистане и Туркмении.

Все это сопровождалось массовыми репрессиями региональных лидеров и вело к жесткой политической и экономической сверхцентрализации, предпринятой Иосифом Сталиным в ходе форсированной индустриализации и коллективизации. Ликвидация крупных областных и краевых объединений, происходившая параллельно с уничтожением остатков нэповской «экономической демократии», породила долговременный феномен узкой секторально-отраслевой специализации вновь созданных административных единиц, которые более не представляли собой сбалансированных экономических комплексов, а становились территориальными фрагментами мощнейших индустриальных «сатрапий». В результате административно-территориальной реформы 30-х гг. произошло фактическое отделение структуры экономического господства от системы административно-территориального управления, которая потеряла экономические рычаги управления и влачила жалкое существование вплоть до конца 80-х гг. XX в., несмотря на спорадические попытки исправить ситуацию.

В 90-е гг. XX в. в связи с общим кризисом советской системы региональные проблемы вышли едва ли не на первый план, положив начало четвертому этапу российского регионализма, приобретшему классические черты. Для такого поворота событий снова были объективные и субъективные причины. К ранее существовавшим добавились новые: неравномерность модернизационного перехода в разных регионах страны, связанная с различиями индустриального, социального и демографического развития, урбанизационных и культурных процессов; окрепшие за годы советской власти националистические элиты; разбогатевшие дельцы теневой экономики на местах, растущее недовольство народа своим положением, особенно сферой услуг, которая находилась преимущественно в руках местной власти; предательство партийных и советских функционеров разного уровня. Ярким проявлением субъективного фактора стали поспешные непродуманные действия Президента СССР Михаила Горбачева в региональных вопросах, его попустительством экстремистским элементам и популизм Президента Российской Федерации Бориса Ельцина, призывавшего регионы «брать столько суверенитета, сколько они могут проглотить».

Необратимый развал страны начался с провозглашения суверенитета России, который не смогли предотвратить ни Новоогаревский процесс, ни ГКЧП, ни растерянный, дезорганизованной перестройкой народ. Сама перестройка не предусматривала принципиального пересмотра региональной политики, но она начала делать большие зигзаги по мере развала экономики, крушения идеологических и нравственных устоев, обострения национальных проблем. Последовали кровавые события в Алма-Ате, Нагорном Карабахе, Сумгаите и в др. местах. В последний год существования СССР (конец 1991 г.) на его территории насчитывалось более 160 территориальных притязаний. Наметиалась опасная тенденция дезинтеграции СССР, которая вскоре стала фактом. Одна из великих держав современности распалась, это требует специального рассмотрения, поскольку наряду с региональными проблемами существования политические, социально-экономические, цивилизационные и геополитические причины.

Регионализм, безусловно, имеет позитивное начало, связанное с демократическим решением социально-экономических и этнокультурных проблем региональных сообществ, но российская практика последних десятилетий показала его негативные стороны. Если в демократических государствах регионализм ведет к улучшению жизни региональных сообществ, совершенствованию общественных отношений в целом, то в специфических условиях России с ее огромной территорией и принципиально различными условиями существования разных народов, отягощенными резким переходом от тоталитаризма к демократии, он привел к трагическим последствиям, по существу к национальной катастрофе. Ни одно региональное сообщество, ни в России, ни в странах СНГ, не может заявить об улучшении своего положения. Повсюду лишения и нищета, а в горячих точках, таких как Чечня, до сих пор льется кровь.

Главный урок российского регионализма заключается в том, что при всем его демократизме и популизме необходимо ясно осознавать пределы допустимой самостоятельности регионов. При исключительно высокой полиэтничности России (130 этносов) никакое деление по национальному принципу не в состоянии удовлетворить все народы, каждый из которых может претендовать на автономию, что ведет к дезинтеграции государства. В результате права этносов входят в противоречие с правами человека, на которых зиждется гражданское общество. Преодоление такого положения возможно на путях тщательного учета исторического опыта страны и поэтапного введения новых государственных форм, для того, чтобы избежать фарса, подобного социалистическим преобразованиям или либеральным реформам. Будущее России, по всей видимости, за крупными культурно-региональными комплексами, которые в силу общности исторических судеб и длительного социально-экономического взаимодействия обладают устойчивыми этнодемографическими связями, а социально – экономические институты, общественное сознание, культура труда и быта их населения, имеют сходные черты и составляют единое историко-культурное пространство, которое создает препятствие на пути деструктивных процессов в политической сфере.